НИНА БРОД

Ты не знаешь МЕНЯ

СОДЕРЖИТ НЕЦЕНЗУРНУЮ БРАНЬ

18+

Nina BROD

Ты не знаешь меня

«Автор»
2026

BROD N.

Ты не знаешь меня / N. BROD — «Автор», 2026

У каждого есть секреты. Некоторые просто слишком дорого обходятся, если становятся известны.Я научилась улыбаться, когда хочется кричать, говорить правду так, чтобы никто не задавал лишних вопросов, и держать людей на расстоянии, даже когда отчаянно хочется обратного. Моя жизнь далека от идеальной, но я хотя бы знаю её правила. Пока в ней не появляется мужчина, рядом с которым всё становится гораздо сложнее.Он слишком внимателен, слишком уверен в себе и слишком опасен для спокойствия, которое я собирала по кусочкам. Я знаю, чем заканчивается доверие, и прекрасно понимаю, что желание и здравый смысл редко уживаются вместе, но чем ближе он подбирается, тем труднее мне притворяться.Ведь самое страшное — не когда кто-то узнаёт твои секреты, а когда ты сама начинаешь хотеть, чтобы их раскрыли.

© BROD N., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 5
Глава 2 12
Конец ознакомительного фрагмента. 20

Nina BROD
Ты не знаешь меня

Глава 1

Все здесь знают меня как Веспер.

Вечерняя звезда. Какой абсурд. Менеджер клуба уверял, что имя звучит загадочно, соблазнительно и идеально подходит для сцены. Я, конечно же, согласилась, ведь тогда мне нужна была работа, а не красивый псевдоним.

Теперь я ненавижу это имя.

Веспер — не я. Она существует только под чёрным париком, слоем макияжа и полумаской, скрывающей верхнюю часть лица. Корсет с глубоким декольте подчёркивает изгибы фигуры, кружевное бельё и чулки с подвязками оставляют достаточно открытой кожи, чтобы мужчины в первых рядах забывали обо всём остальном, а длинные атласные перчатки завершают образ. Туфли на высокой шпильке делают ноги длиннее, походку соблазнительнее, а каждый шаг к концу смены — маленьким испытанием. Впрочем, о последнем посетителям знать совершенно необязательно.

Уверенная, дерзкая, привыкшая к чужому вниманию, Веспер прекрасно знает, как заставить мужчин смотреть, улыбаться и тратить деньги. Вот только за всеми этими восхищёнными взглядами и похотливыми ухмылками я давно перестала видеть что-либо приятное, то, как они разглядывают моё тело, восторга не вызывает, но за искреннее удовольствие мне здесь, к счастью, и не платят.

Жаль, что за пределами сцены уверенность пропадает вместе с париком.

Никто из них не знает моего настоящего имени и не представляет, кем я была до клуба. Их вполне устраивает Веспер — остальное этим людям ни к чему.

И сейчас они скандируют её имя.

— Веспер! Веспер!

Голоса раздаются со всех сторон, смешиваясь с тяжёлым басом музыки. Кто-то свистит, кто-то хлопает по столу, а кто-то выкрикивает очередную пошлость, перекрикивая соседей. Я стою под ярким светом софитов с привычной улыбкой на губах, позволяю им разглядывать себя и в который раз задаюсь вопросом, в какой момент моя жизнь успела стать настолько дерьмовой.

Ещё полтора года назад всё было иначе. В Саванне у меня была светлая квартира, привычный кофе по дороге в офис «Хоторн Групп» и работа, ради которой я годами училась не ошибаться: на переговорах и в контрактах одна неверная строчка могла стоить компании миллионы. Коллеги уважали меня, планы казались вполне достижимыми, и мысль, что однажды я потеряю почти всё это, даже не приходила мне в голову.

Теперь у самого края сцены мужчина размахивает двадцатидолларовой купюрой, уверенный, что этого достаточно, чтобы привлечь моё внимание.

Хуже всего то, что он прав.

Я поворачиваюсь к нему с ленивой улыбкой, и он тут же довольно ухмыляется: ещё немного — и окончательно поверит, что среди десятков мужчин в зале я выбрала именно его. Что ж, пусть наслаждается моментом. В конце концов, именно за этим он сюда и пришёл. Моя работа — подарить каждому иллюзию того, что он особенный, не обещая при этом ничего большего.

Я медленно прохожу вдоль края сцены, чувствуя, как свет софитов нагревает обнажённую кожу. Бас глухо отдаётся под рёбрами, а в воздухе смешиваются запахи алкоголя, дорогого

парфюма и пота. К моим ногам одна за другой летят купюры, и я невольно отмечаю каждую краем глаза, хотя Веспер положено делать вид, будто деньги её совершенно не интересуют.

Для Клэр Уоррен имеет значение каждый доллар.

Я прекрасно знаю, сколько останется после комиссии клуба, сколько уйдёт на аренду, продукты и бензин, а сколько придётся отправить родителям. Иногда мне кажется, что я уже разучилась смотреть на деньги иначе, чем на бесконечный список расходов, который никак не желает становиться короче.

В зале между тем продолжается привычное безумие. У одного из столиков компания мужчин пытается перекричать музыку, официантка ловко лавирует между посетителями с подносом коктейлей, а возле бара кто-то так громко смеётся, что его слышно даже сквозь басы. Красные и фиолетовые огни скользят по лицам, отражаются в бокалах и зеркальных стенах, превращая происходящее в бесконечную вечеринку, на которой никто, кажется, не собирается трезветь.

У боковой кулисы замечаю Лекси, которой предстоит выходить после меня. В коротком серебристом платье, усыпанном блёстками, она поправляет волосы и наблюдает за залом с выражением человека, которому уже успели порядком надоесть все присутствующие. Заметив моё внимание, Лекси демонстративно закатывает глаза и кивает в сторону мужчины, который в третий раз пытается подозвать официантку, размахивая пустым стаканом. Мне приходится прикусить губу, чтобы не рассмеяться прямо посреди выступления. За время работы мы научились понимать друг друга практически без слов, и иногда одного её жеста хватает, чтобы весь этот дурдом стал чуть более терпимым.

Музыка меняет ритм, и тело подхватывает его раньше, чем я успеваю подумать. Меня до сих пор бесит, как легко всё это стало даваться: улыбка, пауза, точный поворот — и зал уже смотрит туда, куда нужно мне. На прежней работе я тоже умела управлять вниманием людей, только тогда на мне был деловой костюм, а за удачные переговоры выдавали премию, не чаевые.

Как ни странно, на сцене я чувствую себя спокойнее, чем в тесном лифте или закрытом кабинете. Здесь хотя бы существуют правила: камеры следят за залами, охранники стоят у стен, а посетителям запрещено прикасаться к танцовщицам без разрешения. Я сама решаю, к кому приблизиться и когда отойти, а если кто-то забывается, достаточно одного жеста, чтобы вмешалась охрана.

Здесь моё «нет» хотя бы что-то значит.

Мужские взгляды меня давно не пугают, пока за ними не следует ничего большего. После всего, что произошло со мной за последние полтора года, возможность самой устанавливать границы кажется почти роскошью.

В глубине зала моё внимание привлекает особенно шумная компания из четырёх мужчин. Один с размаху ставит пустой стакан на стол, двое других горячо спорят, перекрикивая музыку. Судя по количеству пустых стаканов на столе, вечер у них проходит весьма успешно, чего не скажешь о бедной официантке, которой приходится регулярно возвращаться к их кабинке.

Четвёртый сидит немного в стороне, откинувшись на спинку дивана. В отличие от друзей, он не особенно старается привлечь моё внимание, лишь изредка поглядывает в сторону сцены. Перед ним стоит почти нетронутый стакан, а рядом лежат мотоциклетные перчатки. Я невольно задерживаюсь на них взглядом, но очередная смена ритма заставляет меня переключиться на выступление.

Пока компания веселится, незнакомец что-то обсуждает с одним из приятелей. Во время очередного поворота я замечаю, как он поднимает голову, и наши глаза на мгновение встречаются. По привычке одариваю его улыбкой, прежде чем переключиться на других посетителей.

Когда музыка наконец стихает, зал взрывается аплодисментами и свистом. Я благодарю публику лёгким поклоном и направляюсь за кулисы, оставляя разбросанные по сцене купюры помощнику, который соберёт их после моего ухода.

Стоит тяжёлой двери закрыться за моей спиной, как музыка превращается в приглушённый грохот. Здесь пахнет пудрой, лаком для волос и слишком сладкими духами. Девушки торопятся к своим выходам, поправляют костюмы, переговариваются и проверяют телефоны: кто-то смеётся, кто-то считает заработанные деньги, а кто-то уже мечтает поскорее оказаться дома.

И я, пожалуй, отношусь к последним.

К гримёрке я добираюсь с гудящими от каблуков ногами и ноющими от постоянной улыбки скулами. Хочется смыть с себя Веспер вместе с макияжем, натянуть что-нибудь бесформенное и наконец оказаться дома. Выступление прошло спокойно, чаевые обещают быть неплохими, но за закрытой дверью облегчение почему-то так и не приходит.

Я сажусь перед зеркалом и рассматриваю собственное отражение: чёрный парик, тёмные губы, полумаска. Веспер выглядит уверенной и совершенно невозмутимой, словно в её жизни никогда не происходило ничего, способного выбить почву из-под ног.

Иногда даже мне хочется ей поверить.

Когда-то я всерьёз гордилась тем, что быстро замечаю чужие уловки: в договорах, в разговорах, в слишком удобных обещаниях. Как выяснилось, разбираться в бумагах намного проще, чем в людях. Особенно если речь идёт о тех, кому веришь безоговорочно.

Я отвожу взгляд от зеркала, решив, что с меня на сегодня хватит воспоминаний и бесконечных попыток понять, где именно всё пошло не так. Сколько можно прокручивать одно и то же в голове, словно однажды я найду правильный ответ и каким-то чудом верну прежнюю жизнь? Чёрта с два. Если бы прошлое можно было изменить одними сожалениями, я бы уже давно жила совсем другой жизнью.

Веспер на моём месте наверняка поступила бы иначе. По крайней мере, мне хочется так думать.

В дверь дважды стучат, заставляя меня вздрогнуть. Я раздражённо выдыхаю, злясь на собственную реакцию, и разрешаю войти. Казалось бы, за столько месяцев работы пора привыкнуть к тому, что здесь постоянно кто-то хлопает дверями, кричит и врывается без предупреждения, но моё тело, похоже, придерживается другого мнения.

На пороге появляется Мел, одна из администраторов клуба. Ей около тридцати, и выглядит она так, будто только что вышла из салона красоты: каштановые волосы убраны в высокий хвост, помада безупречна, на шёлковой блузке ни единой складки. И это после смены, за которую ей пришлось выслушать недовольных посетителей, следить за персоналом и не дать никому поубивать друг друга. Я до сих пор не понимаю, как ей удаётся сохранять такой вид, но судя по довольному выражению её лица, у кого-то снова возникла гениальная идея, реализацией которой предстоит заниматься мне.

— Веспер, у меня к тебе предложение.

— Если снова про дополнительные выступления, то сразу нет. У меня ноги скоро отвалятся.

— Не угадала. Мужчина из девятой кабинки хочет заказать у тебя приватный танец.

Я поворачиваюсь к зеркалу и принимаюсь расстёгивать серьгу, пытаясь вспомнить, кто сидел за этим столиком. Девятая кабинка, кажется, находится в глубине зала, где расположилась шумная компания, один из участников которой ненадолго привлёк моё внимание. Хотя за вечер перед глазами мелькает столько лиц, что я вполне могу ошибаться.

— Какой именно?

— Высокий, тёмноволосый, в чёрной футболке. Симпатичный, кстати. И на удивление трезвый по сравнению со своими дружками.

А, этот. С мотоциклетными перчатками.

Я невольно вспоминаю его лицо и ту короткую встречу взглядов во время выступления. Действительно красивый мужчина, тут с Мел не поспоришь, но его внешность совершенно не меняет того факта, что приватные танцы я не даю.

— Ты же знаешь, что я не даю приваты.

— Знаю, но он попросил уточнить, а я подумала, вдруг ради такого красавчика ты всё-таки сделаешь исключение?

— Мел, у меня тут не кастинг в женихи. Максимум, что он получит, — бесплатную улыбку, и то если настроение хорошее.

Мел смеётся, а я наконец справляюсь с застёжкой и откладываю серьгу на стол. На самом деле предложение не такое уж плохое, особенно учитывая, сколько денег я собираюсь отправить родителям. За один приватный танец можно получить приличную сумму, и иногда мне кажется, что я единственная идиотка в этом заведении, добровольно отказывающаяся от дополнительного заработка.

Но я едва успеваю представить небольшую комнату и закрытую дверь, как тут же начинаю прикидывать, сколько шагов будет до выхода. Глупость: в клубе всё под камерами, за дверью дежурит охрана, а посетителю достаточно один раз нарушить правила, чтобы его вывели. Я знаю это лучше многих. И всё равно не могу заставить себя войти туда с незнакомым мужчиной.

Может, когда-нибудь я перестану так остро реагировать на подобные вещи. Сегодня явно не тот день.

— Так что передай своему красавчику, что ему не повезло.

— Ладно, как скажешь. Хотя могла бы хотя бы подумать.

— Я подумала. Целых три секунды.

Мел закатывает глаза, но я замечаю, что она улыбается. За время работы мы успели неплохо поладить, хотя её привычка пытаться уговорить меня на очередное выгодное предложение периодически действует на нервы. Впрочем, злиться на неё всерьёз не получается: она просто делает свою работу, но объяснять свой отказ ещё раз я не собираюсь, даже ради лишней сотни долларов.

— Кстати, — Мел останавливается на пороге и оборачивается, — он не предлагал доплатить и даже не пытался торговаться. Просто спросил, можно ли тебя пригласить.

Я слегка приподнимаю бровь. Обычно после отказа мужчины начинают выяснять, сколько нужно доплатить, чтобы слово «нет» внезапно превратилось в «конечно». Некоторые ещё и искренне обижаются, словно я лично нанесла оскорбление их мужскому достоинству.

— Надо же. Мужчина с манерами. Запишем в календарь.

Она фыркает и наконец скрывается за дверью, оставляя меня наедине с собственным отражением. Я снимаю вторую серьгу, убираю обе в косметичку и устало потираю переносицу. Не знаю, почему Мел считает, что симпатичное лицо — повод пересмотреть мои правила. Мне сейчас едва хватает сил разобраться с собственной жизнью, не говоря уже о том, чтобы впустить в неё кого-то ещё.

Тем более мужчину, которого я видела от силы пару минут.

Хотя красивые глаза у него, пожалуй, действительно были.

Я снимаю полумаску и морщусь, когда её край задевает натёртую переносицу. Кожа под ней влажная, а в зеркале красуется отчётливый след, который наверняка не исчезнет до утра. Прекрасно. Ещё один повод полюбить свою работу.

Вытащив шпильки, я снимаю парик и наконец освобождаю волосы. Светлые пряди рассыпаются по плечам, примятые сеткой, и от этой несуразной причёски хочется усмехнуться. Столько усилий, чтобы целый зал видел уверенную женщину, — и десяти минут хватает, чтобы от неё не осталось почти ничего. Я стираю тёмную помаду, смываю макияж и снова встречаюсь в зеркале с Клэр Уоррен.

Я натягиваю серую толстовку, застёгиваю молнию почти до подбородка и достаю телефон из сумки. На экране три уведомления: два рекламных и одно от мамы.

Папа говорит, что банк согласился подождать до пятницы. Не волнуйся, милая, мы что-нибудь придумаем. Как твоя новая работа?

Я перечитываю сообщение и устало прикрываю глаза. Господи, мама, если бы всё было так просто.

«Мы что-нибудь придумаем». Хотела бы я хоть раз услышать, что именно. Пока наш семейный план состоит из папиных обещаний, маминых надежд и моего банковского счёта. Я злюсь на них обоих, но стоит вспомнить мамин усталый голос, как злость уступает знакомой, почти постыдной жалости. И я уже знаю, чем это закончится.

Открываю банковское приложение и несколько секунд смотрю на остаток. Если переведу деньги сейчас, родителям хватит на очередной платёж, зато мне придётся каким-то чудом наскрести на аренду к первому числу.

Отлично, Клэр. Просто великолепный финансовый план.

Я всё-таки ввожу сумму и подтверждаю перевод. На экране появляется уведомление об успешной операции, а вместе с ним приходит неприятное осознание, что до следующей выплаты мне придётся экономить буквально на всём. Впрочем, это уже становится чем-то вроде семейной традиции.

Возвращаюсь к маминому сообщению и набираю ответ:

Мам, всё хорошо. Деньги перевела, так что за пятницу можете не переживать. На работе тоже всё нормально, завтра у меня важная встреча. Надеюсь, всё получится.

Я ещё несколько секунд смотрю на отправленное сообщение, испытывая привычный укол совести. Мама уверена, что её дочь по-прежнему занимается документами, только теперь работает удалённо, и я не спешу её разубеждать. Пусть лучше думает, что у меня всё под контролем.

Тем более завтра у меня действительно важная встреча. Собеседование, от которого, возможно, зависит гораздо больше, чем просто новая строчка в резюме.

И, чёрт возьми, мне очень нужно, чтобы оно прошло успешно.

Я не считаю, что работа в клубе делает меня хуже других. Я честно зарабатываю деньги, не нарушаю закон и не обязана никому оправдываться за то, чем занимаюсь. И всё же мама до сих пор уверена, что её дочь работает с документами. Неприятно признавать, но вру я ей не потому, что стыжусь самой работы, я просто не готова услышать, как она пытается совместить эту правду с той Клэр, которой когда-то гордилась.

Возможно, именно поэтому я так цепляюсь за возможность устроиться на дневную работу. Мне хочется снова иметь стабильную зарплату и хоть что-то, о чём можно спокойно рассказывать маме. Ночные смены при этом никуда не денутся — по крайней мере, пока я не выберусь из долгов. Я ещё не представляю, как буду совмещать два графика, но альтернатива мне нравится куда меньше: каждый месяц гадать, хватит ли оставленных посетителями купюр на жизнь.

Домой я добираюсь далеко за полночь и первым делом замечаю лежащую на кухонном столе распечатку с приглашением на собеседование.

«Блэклайн Перформанс». Требуется администратор для работы с клиентами, поставщиками, счетами и внутренней документацией. Обычная должность с вполне понятными обязанностями, для которой моего образования более чем достаточно, и, что особенно приятно, в объявлении нет ни слова о необходимости иметь пятилетний опыт работы, три рекомендации от бывших руководителей и способность одновременно выполнять обязанности целого отдела.

Я ещё раз просматриваю условия, хотя за последние два дня успела выучить их практически наизусть. Владелец ответил на моё письмо неожиданно быстро и предложил приехать на собеседование уже завтра. Ни дополнительных анкет, ни предварительных звонков, ни бесконечных уточнений о предыдущем месте работы. После нескольких недель безрезультатных поисков подобная оперативность кажется настоящим подарком.

Остаётся надеяться, что за ней не скрывается какой-нибудь подвох. Хотя с моей удачей я бы не удивилась, если бы на месте выяснилось, что администратор должен ещё мыть полы, разгружать запчасти и периодически подменять механика.

Впрочем, последнее хотя бы звучит интереснее, чем бесконечно отвечать на телефонные звонки.

Утром я просыпаюсь после жалких четырёх часов сна и несколько минут лежу, разглядывая потолок. Будильник снова вибрирует на прикроватной тумбочке. Выторговать у него ещё пять минут заманчиво, но опаздывать на это собеседование я не могу, так что приходится вставать. В зеркале обнаруживается помятое лицо девушки, которой явно стоило пересмотреть собственные жизненные решения ещё пару лет назад.

Холодная вода, крепкий кофе и немного консилера делают ситуацию чуть менее катастрофичной. Я собираю светлые волосы в низкий хвост, надеваю простой свитер и тёмные брюки, стараясь выглядеть достаточно представительно, но не слишком официально. Всё-таки я собираюсь устраиваться в мастерскую, а не выступать перед советом директоров.

Хотя после стольких лет привычки сложно избавиться от желания выглядеть безупречно на любом собеседовании.

Перед выходом я ещё раз открываю резюме на телефоне. Договорная работа, корпоративные операции, ведение документации — всё изложено коротко, аккуратно и настолько нейтрально, насколько вообще возможно. Я ничего не выдумываю, просто предпочитаю не распространяться о некоторых подробностях своей биографии. Название прежней компании, например, совершенно необязательно сообщать человеку, которому нужен администратор.

По крайней мере, я очень на это рассчитываю.

По дороге я мысленно перебираю возможные вопросы и ответы, стараясь заранее придумать убедительное объяснение, почему женщина с юридическим образованием вдруг решила работать с клиентами в небольшой мастерской. Впрочем, разве обязательно искать в этом какой-то скрытый смысл? Люди меняют профессии постоянно. Одни устают от офисов, другие открывают кофейни, третьи вообще уезжают разводить альпак.

Я всего лишь хочу нормальную работу. Неужели это так много?

«Блэклайн Перформанс» располагается на северо-востоке Атланты, в переоборудованном кирпичном здании с широкими воротами и большой парковкой. Перед входом стоят несколько мотоциклов, а из открытой части мастерской доносятся металлический звон, голоса мужчин и короткий рёв двигателя.

Я невольно замедляю шаг, задерживая взгляд на одном из мотоциклов чуть дольше, чем собиралась. Чёртово железо.

В воздухе пахнет бензином, машинным маслом и нагретым металлом. Запах настолько знаком, что на секунду перед глазами встаёт Саванна и всё, о чём я старательно не вспоминала последние полтора года. Я злюсь на себя за эту слабость: приехала на собеседование, а стою перед воротами и всерьёз думаю, не развернуться ли.

Господи, Клэр, это просто мастерская. Здесь чинят мотоциклы, а не твою искалеченную жизнь.

Я поправляю ремень сумки и заставляю себя снова посмотреть на здание. На самом деле место выглядит вполне прилично: чистая парковка, аккуратная вывеска, большие окна. Ничего общего с мрачными гаражами из дешёвых боевиков, где обязательно торгуют наркотиками, а в подсобке хранят парочку трупов.

Хотя насчёт трупов я бы пока не зарекалась.

Ещё раз проверяю время на телефоне. До собеседования остаётся несколько минут, и я вполне могла бы посидеть в машине, собираясь с мыслями, но прекрасно знаю, чем это закончится. Начну придумывать причины, по которым меня не возьмут, вспомню все неудачные собеседования за последние недели и в итоге сама себя доведу.

Нет уж, спасибо. На сегодня хватит.

Если я сейчас развернусь, мне даже не придётся слышать отказ — я сама приму его за владельца. Такое унижение я могу устроить себе и бесплатно. Я иду к двери, пока не успела придумать новую отговорку.

За стойкой никого нет. На столе вперемешку лежат накладные, чеки и открытые коробки с деталями. Один документ наполовину скрыт под кружкой, другой угрожающе свешивается к мусорной корзине, а на экране компьютера открыта таблица, в которой три соседних столбца имеют одинаковое название. Я всего минуту нахожусь внутри и уже понимаю, почему мастерской так отчаянно нужен администратор.

Кажется, у меня впервые за долгое время появляется шанс оказаться действительно полезной.

— На собеседование?

Мужской голос раздаётся со стороны кабинета, расположенного за стойкой. Я оборачиваюсь, собираясь поздороваться, но слова застревают где-то в горле, когда из дверного проёма появляется высокий мужчина в чёрной футболке.

Тёмные волосы, широкие плечи, резкая линия скул и едва заметный шрам возле брови. Он вытирает ладони куском ветоши, а я слишком долго смотрю на него, пытаясь убедить себя, что ошиблась. Ведь такого совпадения просто не может быть.

Потому что передо мной стоит мужчина из девятой кабинки. Тот самый красавчик, которому ещё вчера я отказала в приватном танце.

Охренеть.

Вся надежда на то, что чёрный парик, полумаска и сценический макияж действительно сделали своё дело. Потому что если он меня узнает, это собеседование определённо войдёт в список самых провальных событий моей жизни. А конкуренция там, между прочим, серьёзная.

Глава 2

— Вы на собеседование? — повторяет мужчина. Я слышу вопрос, но ещё секунду смотрю на шрам у его брови, вспоминая вчерашний вечер. Похоже, он меня не узнаёт. Хотелось бы поверить, что так и останется.

— Да, — наконец выдавливаю я, заставляя себя отвести взгляд. — Клэр Уоррен.

— Рид Мерсер, — представляется он. — Но можно просто Рид.

Он откладывает ветошь и протягивает руку. На мгновение я задумываюсь, насколько невежливо будет проигнорировать рукопожатие, но всё-таки отвечаю. Его ладонь тёплая, кожа на пальцах загрубевшая, а сам он держит мою руку ровно столько, сколько требуется для обычного приветствия.

— У меня странное ощущение, что мы где-то встречались, — замечает он, чуть прищурившись.

Ну конечно. Просто Охренеть.

В животе неприятно стягивается тугой узел. Значит, что-то всё-таки зацепилось в его памяти. Только бы не лицо под маской.

— Не думаю, — произношу я как можно ровнее. — Наверное, просто похожа на кого-то из ваших знакомых.

Рид ещё несколько секунд смотрит на меня, словно пытается вспомнить что-то ускользающее, но в конце концов оставляет свои попытки.

— Возможно, — соглашается он, отступая в сторону. — Проходите, Клэр. И извините за беспорядок, у нас с самого утра небольшой хаос.

Небольшой?

Я невольно кошусь на заваленную документами стойку. Если это у них небольшой хаос, даже страшно представить, как выглядит полноценный. Впрочем, озвучивать свои наблюдения я пока не собираюсь: начинать собеседование с критики будущего работодателя — не самая удачная идея.

Рид отступает, пропуская меня в кабинет, и я следую за ним, всё ещё не веря, что из всех мастерских Атланты умудрилась выбрать именно ту, которой руководит мужчина, ещё вчера пытавшийся заказать у меня приватный танец.

Внешне он, конечно, хорош, но это последнее, что меня сейчас интересует. За время работы в клубе я успела насмотреться на мужчин, искренне убеждённых, что деньги дают им право распоряжаться чужим вниманием, телом и желаниями. Рид пока не дал повода поставить его в один ряд с такими посетителями, но особой симпатии всё равно не вызывает. Возможно, я несправедлива, однако последний мужчина, которого я считала умным, обаятельным и надёжным, достаточно убедительно продемонстрировал, насколько хреново я разбираюсь в людях. Повторять эксперимент желания нет.

Кабинет оказывается просторнее, чем можно было предположить по небольшой приёмной. Через стеклянную перегородку видна мастерская с несколькими рабочими постами, на одном из которых механик склонился над частично разобранным мотоциклом. Большое окно наполняет помещение дневным светом, безжалостно подчёркивая беспорядок на рабочем столе: стопки документов, пустые кофейные стаканчики и разбросанные канцелярские принадлежности. Возле стола стоят два стула для посетителей, один из которых занят кожаной курткой.

Рид убирает её и жестом предлагает мне присесть.

Из двух стульев я выбираю тот, с которого хорошо просматривается открытая дверь, и устраиваю папку на коленях. Рид занимает место напротив, освобождая на столе немного пространства среди разбросанных документов.

— Кофе? Вода?

— Нет, спасибо, — слишком быстро отвечаю я. Во рту пересохло, и от воды я бы не отказалась, но ещё одна минута вежливых разговоров кажется сейчас испытанием посложнее собеседования. Лучше сразу к делу.

— Тогда приступим.

К моему удивлению, искать резюме среди разбросанных бумаг ему не приходится. Рид достаёт из отдельной папки распечатку, на полях которой уже сделано несколько пометок, а некоторые строки подчёркнуты.

После увиденного в приёмной я была готова к тому, что он начнёт знакомиться с моим резюме непосредственно во время собеседования, но, похоже, к поиску сотрудников Рид относится куда серьёзнее, чем к организации рабочего пространства. И это определённо обнадёживает.

— Я ознакомился с вашим опытом, — говорит он. — Но хотел бы уточнить несколько моментов, а потом расскажу подробнее, что именно нам требуется от администратора.

— Конечно.

Пока Рид просматривает свои заметки, моё внимание привлекает большая фотография на стене за его спиной, на которой мотоциклист проходит поворот с таким наклоном, что колено практически касается асфальта. Я невольно задерживаюсь на снимке и замечаю небольшую подпись в нижнем углу.

Мерсер.

Я задерживаюсь на подписи, пытаясь вспомнить, откуда знаю эту фамилию, и спустя несколько секунд наконец соображаю.

Рид Мерсер. Профессиональный мотогонщик.

Чёрт, ну конечно.

Раньше я регулярно следила за соревнованиями, знала имена гонщиков, результаты заездов и последние новости чемпионатов, но всё это осталось в прошлой жизни, к которой я предпочитаю не возвращаться. О Риде я слышала и после переезда в Атланту: кажется, он оказался замешан в каком-то громком скандале, связанном с дракой, тогда его имя мелькало во многих спортивных новостях, но разбираться в подробностях я не стала.

Впрочем, его спортивная карьера меня сейчас интересует куда меньше, чем моя будущая зарплата.

Впрочем, его спортивная карьера меня сейчас интересует куда меньше, чем моя будущая зарплата.

— Вы указали опыт работы с корпоративной документацией, договорами и поставщиками, — начинает Рид, возвращая меня к теме собеседования. — Мне хотелось бы понять, насколько он соответствует нашим задачам.

— Думаю, вполне. Хотя у меня тоже есть вопрос: с документацией у вас всегда такой образцовый порядок или сегодня особенный день?

— Простите?

— Я о том, что увидела в приёмной, — поясняю я. — Мне предстоит заниматься текущими заказами или сначала разбирать всё, что накопилось за последние несколько месяцев или даже лет?

Только произнеся это вслух, я понимаю, что прозвучало резче, чем собиралась. Учитывая, насколько мне нужна эта работа, стоило бы проявить чуть больше дипломатичности, но выяснить реальные обязанности всё-таки необходимо. К моему удивлению, Рид совершенно не выглядит раздражённым — кажется, моя прямота его даже забавляет.

— Скорее второе, — признаётся он. — Хотя я надеялся, что вы хотя бы дождётесь конца собеседования, прежде чем решите убежать.

— Извините, не хотела прозвучать грубо. Просто мне важно понимать, с каким объёмом работы предстоит столкнуться.

— Всё в порядке. Сейчас документацией занимается Нейт, мой партнёр. В мотоциклах он разбирается великолепно, а вот с бумагами у него отношения как-то не сложились. Особенно с таблицами.

— Да пошёл ты нахрен, козёл! — доносится из-за открытой двери.

Мимо кабинета как раз проходит высокий мужчина в рабочей футболке с какой-то металлической деталью в руках. Судя по всему, последние слова Рида он прекрасно расслышал, но даже не считает нужным остановиться, чтобы высказать своё недовольство лично.

— И тебе доброе утро, Нейт! — невозмутимо отзывается Рид, явно забавляясь реакцией партнёра.

Я невольно улыбаюсь. Похоже, здешние представления о деловом общении несколько отличаются от тех, к которым я привыкла.

— То есть отдельного администратора у вас раньше не было?

— Был, но недолго. — Рид усмехается и добавляет: — И прошу прощения за Нейта. Он вообще-то неплохой парень, просто иногда забывает, что находится не в собственном гараже. После увольнения администратора мы решили, что справимся своими силами. Как видите, несколько переоценили свои возможности.

По крайней мере, Рид не пытается представить происходящее временными трудностями или убедить меня, что достаточно разложить бумаги по папкам и всё чудесным образом наладится. Его откровенность немного успокаивает, хотя масштабы предстоящей работы пока остаются загадкой.

Рид переходит к описанию обязанностей, и довольно скоро становится понятно, что работа с клиентами, оформление заказов и согласование поставок — лишь часть того, чем мне предстоит заниматься. Помимо текущих задач, необходимо разобраться со старыми счетами, наладить учёт оплат и наконец привести внутреннюю документацию в порядок.

Судя по объяснениям Рида, главная проблема заключается даже не в количестве накопившихся бумаг, а в отсутствии единого порядка работы. Один сотрудник принимает заказ и записывает информацию в блокнот, другой договаривается о поставке деталей, третий сообщает клиенту сроки, которые почему-то никто не согласовал с механиком. В результате сведения об одном мотоцикле оказываются сразу в нескольких местах, причём далеко не всегда совпадают.

Подобная неразбериха мне хорошо знакома, хотя раньше я сталкивалась с ней в компаниях совершенно другого масштаба.

— А у вас есть единая база заказов? — уточняю я.

— Программа есть, но пользуются ей не все. Кто-то привык записывать всё на бумаге, кто-то ведёт собственные таблицы, а потом мы пытаемся собрать информацию воедино.

— Тогда начинать придётся не с разбора документов, а с того, чтобы все сотрудники работали по одной системе. Иначе через месяц мы столкнёмся с теми же проблемами.

— Именно поэтому нам и нужен администратор, — соглашается Рид. — Желательно такой, которого не доведут до увольнения в первую же неделю.

Я невольно улыбаюсь, хотя последнее замечание звучит не слишком обнадёживающе. И всё же работа, которая ещё недавно казалась мне просто возможностью получать стабильную зарплату, неожиданно начинает вызывать настоящий интерес. Мне хочется увидеть их программу, разобраться в заказах, понять, насколько серьёзны проблемы и как их можно решить. Даже странно осознавать, насколько сильно я соскучилась по этому ощущению — когда перед тобой стоит сложная задача, но ты не сомневаешься, что сумеешь с ней справиться.

— Кстати, об этом я и хотел спросить, — произносит Рид, возвращаясь к моему резюме. — Почему вы решили оставить юридическую практику и устроиться администратором?

Ну разумеется. Без этого вопроса, кажется, не обходится ни одно моё собеседование.

— Сейчас я не планирую возвращаться к юридической практике. Мне нужна стабильная работа с понятными обязанностями и графиком, а с документацией, договорами и организационными вопросами я прекрасно знакома.

— Не боитесь, что вам быстро станет скучно? С вашим образованием и опытом можно претендовать на более высокую должность. И, откровенно говоря, на другую зарплату.

Последнее замечание справедливо, но возвращаться к прежней жизни ради более внушительной суммы в трудовом договоре я не собираюсь.

— Меня вполне устраивает административная работа, особенно если она предполагает возможность навести порядок там, где его давно не было.

— А если через месяц вам предложат должность по специальности?

— Я не рассматриваю такие предложения, — отвечаю я уже серьёзнее. — И не собираюсь устраиваться к вам на несколько недель, пока не подвернётся что-нибудь получше. Мне нужна постоянная работа, если, конечно, мы договоримся об условиях.

Рид принимает мой ответ, хотя по его лицу трудно понять, насколько я сумела его убедить.

— Хорошо. Тогда ещё один момент. Вы подробно указали свои обязанности на предыдущем месте работы, но не написали название компании. Это намеренно?

Вот теперь разговор принимает куда менее приятный оборот.

— Да, — признаю я, понимая, что попытка выдать это за случайность прозвучала бы откровенно нелепо.

— Могу узнать причину?

Я знала, что рано или поздно этот вопрос прозвучит, и заранее продумала ответ, но сейчас тщательно подобранные слова вдруг кажутся слишком выверенными. Наедине с собой куда проще обходить неприятные подробности, чем делать это перед человеком, который терпеливо ждёт объяснений и даже не подозревает, сколько всего я собираюсь оставить недосказанным.

— У меня были определённые разногласия с прежним руководством, и я предпочла бы не обсуждать обстоятельства увольнения. При необходимости могу предоставить контакты бывших коллег, которые подтвердят мой опыт и квалификацию, но хотела бы избежать прямого обращения в компанию.

В кабинете повисает небольшая пауза, за которую я успеваю представить, сколько вопросов может последовать за подобным признанием. Для человека с юридическим образованием я, пожалуй, не слишком убедительно защищаю собственные интересы.

— То есть рекомендации вы предоставить сможете? — уточняет Рид.

— Да, конечно.

— Хорошо. Тогда пришлите контакты после собеседования, я с ними свяжусь.

И всё?

Я ожидала как минимум попытки выяснить подробности конфликта, но Рид уже возвращается к своим заметкам, словно не видит ничего необычного в том, что кандидат на должность администратора предпочитает скрывать название прежнего работодателя.

Не то чтобы я собиралась жаловаться на отсутствие любопытства.

— Хотите взглянуть на документы? — предлагает Рид, откладывая резюме. — Чтобы лучше представлять, с чем придётся иметь дело.

— Конечно.

Мы возвращаемся в приёмную, где он достаёт из шкафа несколько папок и пластиковый лоток с бумагами, содержимое которого, судя по всему, давно перестало подчиняться какой-либо системе.

— Здесь документы по последним поставкам. Часть счетов уже оплачена, остальные ещё ждут своей очереди. В программе информация тоже есть, но я бы пока не советовал ей безоговорочно доверять.

Обнадёживающее начало.

Я открываю первую папку и обнаруживаю привычное сочетание накладных, счетов и распечаток электронной переписки. Часть документов аккуратно подшита, остальные лежат вперемешку с листами, испещрёнными карандашными пометками, смысл которых, вероятно, известен только человеку, их оставившему.

Пока Рид разговаривает по телефону, мне попадаются два экземпляра одного счёта с одинаковыми номерами, датами и суммами, причём на обоих стоит отметка «к оплате». Возможно, документ просто распечатали дважды, но если оба экземпляра оказались в списке предстоящих платежей, поставщик рискует получить весьма щедрый подарок. Я откладываю их для проверки и продолжаю разбираться с остальными бумагами, хотя никто меня об этом не просил и далеко не факт, что вообще возьмёт на работу. Прекрасно, Клэр. Ещё немного — и начнёшь бесплатно вести им бухгалтерию. Долбаный альтруизм.

Следом обнаруживается документ о частичном возврате деталей, сумма которого почему-то не учтена в приложенной сверке. Здесь тоже необходимо проверить, когда именно оформляли возврат и успели ли внести изменения в программу.

Когда Рид заканчивает разговор, передо мной уже лежат несколько документов, которые я отложила для проверки.

— Ну как, ещё не передумали? — интересуется он.

— Пока нет. Но я бы посоветовала проверить эти счета перед оплатой, — отвечаю я, показывая ему оба экземпляра. — У них совпадают все реквизиты, и на каждом стоит отметка «к оплате». Не исключено, что один документ просто продублировали, но лучше убедиться, что в платёжный список он попал только один раз.

Рид внимательно сравнивает бумаги.

— Этот как раз собирались оплачивать сегодня.

— Тогда хорошо, что мы его нашли. И ещё здесь есть возврат, который, похоже, не учли при сверке. Возможно, информация просто не успела обновиться, но я бы уточнила.

— Проверю, — обещает он, записывая номера документов. — Похоже, вы уже нашли больше, чем мы за последнюю неделю.

Рид, конечно, немного преувеличивает мои заслуги: без доступа к программе я могу лишь указать на возможные ошибки, но никак не подтвердить их. И всё же поправлять его не спешу, поскольку неожиданная похвала оказывается чертовски приятной. Особенно когда понимаешь, что человек напротив говорит это не из вежливости, а действительно впечатлён тем, что ты сумела заметить за несколько минут.

— Только скажи, что это собеседование, а не налоговая проверка.

Голос доносится со стороны мастерской, и я узнаю его почти сразу: именно этот мужчина совсем недавно весьма выразительно послал Рида куда подальше, хотя самого его тогда удалось заметить лишь мельком. Теперь у стойки стоит высокий блондин с короткими, слегка растрёпанными волосами и светлыми бровями, почти теряющимися на загорелом лице. На его рабочей футболке виднеются тёмные пятна, предплечья испачканы машинной смазкой, а через плечо небрежно перекинуто полотенце. Он останавливается возле разложенных документов, окидывает их заинтересованным взглядом и чуть приподнимает бровь, заметив отложенные мной счета.

— Нейт, знакомься, Клэр Уоррен, — представляет меня Рид. — Кандидат на должность администратора.

— А, так это из-за неё ты решил выставить меня безнадёжным идиотом?

— Ты прекрасно справился с этим самостоятельно.

Я едва сдерживаю улыбку. На прежней работе подобный обмен любезностями между руководителями наверняка закончился бы долгим выяснением отношений, а эти двое ведут себя так, словно ничего необычного не происходит. Пожалуй, впервые за всё собеседование мне становится по-настоящему любопытно, какая атмосфера царит здесь в обычный рабочий день.

— Пошёл ты, — беззлобно отзывается Нейт и обращается ко мне: — Очень приятно, Клэр. Надеюсь, он ещё не успел вас напугать?

— Пока только объёмом документации, — отвечаю я, уже не скрывая улыбки.

— Тогда у нас ещё есть шанс вас удержать.

Нейт представляется уже официально, пожимает мне руку и, услышав, как кто-то зовёт его из мастерской, обещает познакомить с остальными, если собеседование закончится успешно.

— Он всегда такой? — интересуюсь я, когда мы остаёмся вдвоём.

— Практически. Но специалист отличный, и мастерская без него давно бы закрылась.

В голосе Рида нет ни раздражения, ни снисходительности. Несмотря на постоянные подколки, он явно ценит партнёра и нисколько не сомневается в его профессионализме. После их недавней перепалки такое отношение несколько удивляет меня, хотя, пожалуй, именно так и должны вести себя люди, которые давно работают вместе и умеют отличать дружеские оскорбления и шутки от настоящих разногласий.

Мы возвращаемся в кабинет, чтобы обсудить условия работы. Рид рассказывает о графике, порядке оформления и наконец называет первоначальную ставку, а я уже мысленно вычитаю из неё аренду, коммунальные платежи и деньги, которые необходимо отправить родителям. Результат оказывается не особенно обнадёживающим: при такой зарплате отказаться от ночных выступлений в клубе не получится, хотя я на мгновение всё-таки позволила себе представить, что скоро смогу оставить Веспер в прошлом.

— Я хотела бы обсудить размер оплаты, — говорю я, когда Рид заканчивает объяснять условия.

— Слушаю.

— В объявлении речь шла преимущественно об административной работе с текущими заказами, но, насколько я понимаю, здесь потребуется ещё и восстановить документацию за предыдущие месяцы, наладить систему учёта и организовать работу так, чтобы сотрудники могли ею пользоваться. Это существенно расширяет первоначальный круг обязанностей.

— Согласен.

Признаться, такого быстрого согласия я не ожидала. Обычно на этом этапе работодатели начинают убеждать, что дополнительные обязанности уже включены в предложенную ставку, и я ожидала что мне прийдется доказывать обратное. Я даже успела подготовить несколько аргументов, но, похоже, сегодня они не понадобятся.

— В таком случае я хотела бы предложить другую сумму.

— Какую именно?

Я называю цифру, на которую рассчитывала ещё по дороге сюда. Она немного выше той, на которую я в действительности готова согласиться, но переговоры о зарплате — едва ли подходящее место для преждевременных уступок.

Рид не спешит с ответом и вместо этого интересуется, сколько времени, по моим оценкам, займёт разбор накопившейся документации, какие задачи я считаю первоочередными и каким образом собираюсь организовать работу сотрудников. На часть вопросов я могу ответить сразу, опираясь на то, что успела увидеть, однако точные сроки назвать пока невозможно: для начала необходимо проверить данные в программе и разобраться, насколько серьёзны расхождения с бумажными документами.

Я объясняю это без попыток приукрасить ситуацию или пообещать результат, в котором сама не уверена. Рид, к моему удивлению, воспринимает такую осторожность совершенно спокойно, уточняет несколько деталей, а затем предлагает обсудить возможные сроки поэтапного наведения порядка.

Постепенно разговор перестаёт напоминать собеседование и превращается в полноценные деловые переговоры. Мы обсуждаем задачи, рассматриваем варианты их решения, спорим о сроках, и я ловлю себя на том, что уже не задумываюсь над каждым своим ответом. Мне не приходится подбирать слова, чтобы произвести нужное впечатление, или оправдываться за решения, которые к работе совершенно не относятся. Здесь достаточно моей квалификации, и Рид, кажется, вполне готов принимать её всерьёз.

В итоге мы останавливаемся на сумме немного ниже названной мной, но выше первоначального предложения. Кроме того, Рид соглашается вернуться к вопросу оплаты через месяц, когда станет понятен реальный объём работы.

— Ещё мне важно заранее согласовать график, — добавляю я. — В объявлении указано, что рабочий день заканчивается в шесть. Насколько часто приходится задерживаться?

— Иногда бывает. Особенно если клиент вспоминает о своём мотоцикле за пять минут до закрытия. У вас есть какие-то ограничения?

Вот теперь придётся быть осторожнее.

— У меня есть дополнительная работа по вечерам. Она не повлияет на мои обязанности здесь, но регулярно оставаться после шести я не смогу.

— Другая работа? — уточняет Рид.

— Да. Не каждый вечер, но расписание составляется заранее.

Я стараюсь произнести это так же непринуждённо, как всё остальное, хотя уже прикидываю, что отвечу, если Рид захочет узнать, где именно я работаю по вечерам. После получаса вполне делового разговора, в котором он оценивал исключительно мои знания и опыт, меньше всего хочется выяснять, изменится ли его отношение, когда он узнает, что я стриптезерша. Особенно учитывая, что вчера я отказала ему в приватном танце, а сегодня сама прошу взять меня на работу. Интересно, это считается конфликтом интересов? Если да, собеседование я умудрилась провалить ещё до того, как на него записалась.

— Тогда будем договариваться заранее, — отвечает он. — Если кто-нибудь решит приехать после закрытия, справимся сами.

— Спасибо. Меня это устраивает.

Никаких расспросов не следует, и я позволяю себе немного расслабиться.

Оставшиеся условия мы согласовываем довольно быстро. Я внимательно изучаю предложенные формулировки, уточняю несколько пунктов, после чего Рид отправляет исправленный документ на печать.

— Посмотрите ещё раз, — предлагает он. — Если всё устраивает и с проверкой рекомендаций не возникнет проблем, сможете выйти завтра к девяти.

Завтра.

Странно, как много может значить одно совершенно обычное слово. Последние несколько недель я привыкла слышать обещания перезвонить, за которыми обычно ничего не следовало, и теперь предложение выйти уже завтра кажется почти неправдоподобным. Я даже успеваю подумать, что Рид наверняка перепутал меня с какой-нибудь другой кандидаткой, у которой нет полуторагодового провала в карьере и сомнительных перспектив получить рекомендации от бывшего руководства.

— Меня всё устраивает, — отвечаю я.

Подписывая предложение, я ловлю себя на улыбке, которую даже не пытаюсь скрыть. Конечно, должность администратора небольшой мастерской совсем не то будущее, которое я когда-то себе представляла, и впереди ещё достаточно неопределённости, но сейчас мне впер-

вые за долгое время называют конкретный день, когда я должна выйти на работу, а не обещают когда-нибудь сообщить о принятом решении. И, чёрт возьми, оказывается, я соскучилась даже по такой мелочи, как необходимость заводить будильник к девяти утра.

Пока Рид готовит мой экземпляр, я достаю телефон и пишу маме.

Мам, кажется, меня взяли! Завтра выхожу на работу.

Ответ приходит почти сразу.

Милая, я так рада! Я знала, что у тебя всё получится! Позвони вечером, обязательно всё расскажешь.

Я перечитываю мамино «Я знала» и улыбаюсь. Для неё всё выглядит так просто: я искала работу, прошла собеседование и наконец получила предложение. О том, сколько всего остаётся за пределами наших разговоров, она даже не догадывается. Вечером мама наверняка захочет узнать каждую подробность, и мне приятно осознавать, что сегодня хотя бы хорошую новость не придётся придумывать. Жаль только, что рассказать всю правду по-прежнему не получится.

Следом приходит ещё одно уведомление — расписание выступлений в клубе на ближайшую неделю, и улыбка медленно сходит с моего лица. Сегодня первый выход в половине одиннадцатого, а завтра, после полноценного рабочего дня в мастерской, мне снова предстоит выйти на сцену в образе Веспер.

Что ж, на спокойную жизнь я пока и не рассчитывала.

— Клэр?

Я отвлекаюсь от телефона. Рид протягивает мне документы, а следом кладёт на стол ещё один лист.

— Ваш экземпляр. И осталось подписать согласие на проверку сведений.

Я перевожу взгляд на следующий лист и задерживаюсь на заголовке, который перечитываю дважды, хотя прекрасно понимаю его смысл с первого раза.

Согласие на проверку сведений о кандидате.

Ну конечно. Как я могла об этом забыть?

— Обычная процедура, — поясняет Рид. — Проверкой занимается сторонняя компания. Можете спокойно ознакомиться с документом.

Обычная процедура. Для него — безусловно.

Я внимательно читаю условия и останавливаюсь на пункте о подтверждении предыдущих мест работы. Предоставить контакты бывших коллег, которые смогут поручиться за мою квалификацию, — одно, а разрешить посторонним людям самостоятельно проверять всю мою трудовую историю — совсем другое. Я ведь прекрасно знала, что отсутствие названия компании в резюме не сделает её существование тайной, но до этой минуты предпочитала об этом не задумываться.

«Хоторн Групп».

Всего один звонок в Саванну может вызвать вопросы, которые мне совершенно не нужны. Достаточно кому-нибудь заинтересоваться, почему спустя полтора года мою трудовую историю проверяют из Атланты, и информация рано или поздно может дойти до Александра. Причём опасаться мне приходится вовсе не за достоверность резюме: всё, что в нём написано, — правда. Проблема в том, что некоторые люди из моего прошлого способны использовать даже совершенно безобидные сведения против меня.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.